

РУБЕН СЕВАК

ИЗБРАННОЕ

Стихотворения и поэмы

Рубен Севак (Чилинкирян) родился 15 февраля 1885 года в деревне Силиври близ Константинополя в семье ремесленника-торговца.

Севак начал писать с 1905 года. Его единственный поэтический сборник, состоящий из 3-х поэм, — «Красная книга» — вышел в свет в 1910 году. Стихотворные циклы «Хаос», «Последние из армян»,

«Книга любви» Севак при жизни опубликовать не сумел. Писал и прозу; наиболее значителен цикл его рассказов «Страницы, вырванные из дневника врача» (1913). Занимался и переводами из Гейне, Леконта де Лиля и др.

24 апреля 1915 года по приказу турецких властей в числе 200 представителей константинопольской армянской интеллигенции был арестован, сослан в глубь Турции, и 26 августа того же года убит.

Основные издания на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1955;

на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979.

ИЗ ЦИКЛА «ХАОС»

1

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

«Голодных безработных горький ряд!
Напрасно к небу устремлен ваш взгляд,
измученные горожане, — в бой!
Ты, женщина, и ты, старик седой!»
Свистят сурово зимние ветра,
крик ярости несется со двора,
он рокотом пронизанный глухим,
как долгим эхом: «Хлеба нам, живым!»
Забилось сердце бешено во мне.
Мольба о хлебе в снежной тишине!..
Вскочил с кровати, сонный и босой,
и распахнул окно... О, боже мой!
Я понял всё, заплакал я навзрыд:
народ с мечтою о ломте стоит.
Как муравейник, тысячи людей,
столпились, копошатся у дверей.
На них ложатся снежные пласты,
белы, как безнадежности цветы.
Ночь обступила морем темноты,
как заговор жестокой нищеты.
Сквозь рокот и глухой
работы раб, согбенный и худой,
с кареты ветхой горько изливал
слова проклятий, возмущенья вал.
И низвергались речи на толпу,

на бесприютную ее судьбу, —
так воды бьют о скалы по ночам...
И океан ярился: «Хлеба нам!..»
«Одни спят на атласе, а другим
спать на камнях по улицам кривым;
одним жить под узорным потолком,
другим — в подвале, жалком и сыром.
Над прахом одного лежит гранит,
другой, угаснув, в рубище лежит...
Есть дом у птицы, песня в добрый час,
но почему проклятье лишь у нас?
Украшен храмами наш белый свет.
Во имя бога? Но ведь бога нет...
Для бедных сирот нет нигде угла,
для бедных женщин доля тяжела.
Доколь богатым на поту рабов
готовить сдобу пышных пирогов
и яства для их выхоленных псов,
когда ни крошки нет у бедняков?»
Сошел с кареты пламенный старик,
и огласили полночь вопль и крик,
и, как на сцену, на карету вновь
восходят люди, — им не прекословь.
Неграмотных людей суровый ряд —
голодные желудки их твердят
слова простые о своих правах,
протест на посиневших их губах.
И снова в шуме слышно: «Хлеба нам!»

Внимает молча люд святым словам,—
о, голос справедливости самой,
ей не витать над скорбною толпой.
Крик исступленный прогремел вдали,
в сыром тумане траурной земли,
как пламя, величаво над землей
взметнулось знамя красное судьбой...
Был грустным и подавленным мой взор,
смотрел на люд я, что в ночной простор,
как черный призрак, горько уходил,
бездомный, обездоленный, без сил...
Куда вы, люди?.. Как все голодны!
Покинутые богом без вины,
покорные, шли на безмолвный зов,
чтоб чашу сотворить иных весов.
Мне показалось, что судьбы крыло
над ними неожиданно взошло;
шли на борьбу они, добиться прав,
шли к справедливости, вконец устав,
что наступить должна, им засияв.

1909

2

БЫЛО ЗА ПОЛНОЧЬ

Было за полночь, и дождик лил в безмолвии сыром.
Ты печальная стояла под унылым фонарем.
А вода бежала стыло по булыжной мостовой.
Но стояла и ждала ты — вот удел зазорный твой.

А во взоре — плач улыбки, плач во взоре неживом.
Краска на губах порочных — боли жалкий окоем.
Грудь полные томятся не утехой, а тоской.
В них дождливой этой ночью страсти нету никакой.
Нет ни выбора, ни чувства — просто дрожи не унять.
И в обмен на хлеб насущный — цель нехитрая твоя —
Благосклонному Мужчине тело мокрое отдать.
Состраданье ощутил я — вроде скудного тепла.
И тебе принадлежал бы этой бедной ночью я,
Если бы слеза шальная щеку холодом не жгла...
Было за полночь, а дождик лил в безмолвии сыром...

1909

3

ТРУБАДУРЫ

Друзьям-поэтам

Взгляни на трубадуров — вот они!
Беспечны, ветру вольному сродни,
На площади теперь они играют.
И люди ставни полуоткрывают —
Послушать их. Невыносимый зной.
Но всё поют слова любви смешной
Трубадуры.
Необычайны лица у мужчин,
А спутницы в отрепьях. Им — один
Удел бродяжничества и лишений.
Брезгливой улицей унижен гений.
Но вдохновенен их заветный труд.
От голода, но с песнями умрут

Трубадуры.

Ветра, невзгоды — жизнь горька, грустна,

Печалью черной до краев полна.

Познание жизни в их улыбке темной.

Но есть и радость в их судьбе бездомной.

Взъерошенных волос каскад седой

И смех бунтарский, вечно молодой

У трубадуров.

Ведет искусство их тропой одной

От лоз веселых, что возделал Ной,

До желтизны медлительного Нила

И до Урала, где их поманила

Гряда багряной Огненной Земли.

Друзей похоронили там, где шли,

Трубадуры.

Железный и машинный этот век

Их радостного духа не рассек.

В столицах, там, где золото кумиром,

Свои сердца они вверяют лирам,

В труде возвышенном пылают дни.

Природы вольной сироты они,

Трубадуры.

Меня возьмите — из страны в страну.

Я жизнь иную, новую начну.

Рыдая, петь и равнодушие бычье

Осмеивать: познать земли величье,

Опасности стремнин и горных рек!

Мы — пилигримы скорбные навек —

Трубадуры.

Мы — пилигримы, мы — поэты, мы —

Свободные и гордые умы.

Владыки песни. Мы — в туниках рваных,

Нас душит голод, наше тело в ранах,

Мы непонятны, мы — трагедий весть,

Поэты и пииты! Мы и есть

Трубадуры.

Из раны сердца наша песнь взошла.

Судьба забывчива, коварна, зла.

Другим она сулила ликованья,

Стол пиршества. Дорогою изгнанья,

На три тысячелетья опоздав,

Идут, готовы к смерти у канав,

Трубадуры.

Но не скорби! Ужель ты не богат?

Всё — наше; вдохновение — твой сад.

Всё наше — росный луг, закат безмолвный,

Цветенье розы, и морские волны,

И кладбище с могилою в тени.

Похожи на былых богов — одни

Трубадуры.

Мы едко осмеем с пером в руке

Коварство мира в краденном венке.

Мы — смертники, но не умолкла лира:

Мы — не рабы у властелинов мира.

Свободу слова защищай, как лев!

В нас яд, но мы бессмертны, умерев,

Трубадуры.

Ужель необходимо нам на торг

Нести сердца, чтоб вызывать восторг?

Нет, служим цели мы одной, великой,

Слагая наши песни для рамика.

Кто «смерть однажды лишь» — изрек?

День тьмы —

Наш каждый день. Так умираем мы,

Трубадуры.

Смех соглядатаев нам нипочем.

Пусть подступает голод к нам с ножом.

Как пастыри, живем высокой целью

И человечество своей свирелью

Ведем вперед, неся свободы весть.

Искусства мертвого живая ветвь —

Трубадуры.

Ах, дожили мы до худых времен!

Кто благороден — погран и казнен.

Во гробе сердце схорони живое!

Повсюду золота коварство злое.

Лишь мы одни всё те же. И сейчас

Любить желаем... Кто же любит нас.

Трубадуры?

Ты умерло, искусство славных дней,

Когда сливались жизнь и песнь. О ней,

О жизни, пело столько безымянных,

Шагавших в их плащах багряных

Из замка в замок, с лирою в руках.

И эта песня не умрет в веках,
Трубадуры!
Гомер, ты трубадуров всех — отец!
Хвала тебе, божественный слепец,
Восславивший героев громогласных.
Моя мечта о всех творцах прекрасных
В любом столетье и в любом краю.
В певцах гоxtанских вас я узнаю,
Трубадуры!
Мне душно — сердце кто-то сжал в кулак, —
Когда смотрю сквозь ставню на бродяг.
Поют с натугой, вяло, как попало...
На плаху песню золото послало.
Свободное искусство — прах глухой.
Теперь поют с протянутой рукой
Трубадуры.
На площади, где беспощадный зной,
Канючит голос хриплый, жестяной.
Под эти звуки просит подаянья,
Проходим шляпу протянув в молчанье,
Старик в морщинах резких, как рубцы.
Мы новой эры новые творцы —
Трубадуры.

1910

4

ПОДМЕТАЛЬЩИК

Распахнул окно, у окна курю,

старую совой из окна смотрю,
улица пуста, широка, по ней
длинные легли тени от ветвей,
мелкий дождь со снегом сыплет над землей,
редкие кареты мчат по мостовой, —
на деревьях зябнут птицы в холода,
не укрыться птицам в стужу никуда...
Слезы свет мне застыт, льются из очей...
С нежным животным сравню людей!..
Под окном старик, рубище на нем,
я смотрю, как он непогожим днем
под дождем бредет со своей метлой,
молча, медленно, целый день-деньской,
он метет, согнувшись пополам,
чтоб не пачкать ноги господам,
убирает грязь он с панельных плит...
Кто в такой буран старикам велит
спины гнуть, дрожать до самых костей?
С черствым животным сравню людей!
Голова поникла, борода бела,
вымокшая шапка с головы сползла,
лик иконописный, но внушают страх
ссадины, мозоли на его руках.
Очи повлажнили. Это слезы? Нет.
Это дождь, в котором тонет белый свет.
Но старик доволен горькою судьбой —
ведь для малых внуков принесет домой
он ржаного хлеба несколько ломтей.

Со святым животным сравню людей!
Бог, зачем для горя сотворен тобой
этот бедный старец?.. Он всему чужой —
звездам, переливам соловьев ночных,
соку виноградника, ветру, что притих,
голубому пламени очага в доме,
родственной заботе, нужной так ему...
Это ль жизнь? Работать натошак всегда,
изо дня в день пища — хлеб, лук и вода.. <
Может, смерть отрадней этих жалких дней?
С алчным животным сравню людей!..
Поседел старик за жизненный срок,
а из жизни своей одно извлек:
силу Чрева — ею только живем —
больше ум не мыслит ни о чем.
Он состарился не по годам,
его хлеб и собаке не по зубам.
А иные вельможные, родившись едва,
от рожденья в богатстве — их честь и права,
они судьбы решают тех, кто бедней.
С шелудивым животным сравню людей!
Если холод иль голод в свой черед
одного из внуков его приберет,
денег — как бы ни шарил он —
всё равно не хватит для похорон.
Но неважно. Державе принадлежит
труп бездомного, что в канаве лежит.
Государство убьет, похоронит потом...

Тот, кто лжет, пусть живет с перекошенным ртом;
царь — хозяин голодных — всех умней и сильнее.

С сердобольным животным сравню людей!

Государство! Добрым оно слывет!

Бедняков в бесплатные школы зовет,
чтобы там учить читать и писать,
чтобы спину гнуть, закон почитать,
чтобы знать, где добра и где зла порог,
чтоб из собственных денег платить налог,
чтоб покорной дойной коровой быть,
чтоб по воле царя бить и рубить,
чтоб робеть перед золотом богачей.

С умным животным сравню людей!

(Ты мети, издавая стон глухой,
в стужу зимнюю или в летний зной,
человечества мусор мети, мети...

Знай, что он не уменьшится на пути...

Хлеб твой — самый святой на земле,
окровавлен хлеб богача на столе.

Друг-бедняк, о себе подумай, скорбя,
чтоб случайно не удушили тебя.

Что б ни делали люди в жизни своей,
с гнусным животным сравню людей.

Ненавидеть безгранично учись
тех, что гордо «спасителями» нареклись
и словами пышными рушат твой кров,
даже в чреве матери учи сынов
ненавидеть политиков всех мастей,

умертвляющих без яда людей.

Сызмальства приучай детей:

«Нет у бедняка никаких друзей».

Нищие — пища для богачей.

С бешеным животным сравню людей.

Мое сердце полно любви к беднякам,
мое чувство искренне, как и я сам.

Старец — брат мне, свидетельствую стихом.

Между нами разница только в том,
что, пока я строчки свои вывожу,
и с сигарой у теплой печки сижу,
и ищу ответы в созвучьях поэм
на вопросы: «Как жить? Почему? И зачем?»

Старец плиты метет, становясь всё слабей.

С грозным животным сравню людей.

Уничтожили мы сегодня, бог,
Сотворенное за великий срок.

Праздным словом божественный стал закон;
тот, кто верит еще, — дурачком наречен.

А в Христе увидели люди глупца
без программы, общественного лица...

И его милосердие — детский порыв;
нужно кредо, чтоб, общество объединив,
повело бы народы во имя идей...

Лишь с животным сравниваю людей.

Подметальщик-старик, мой друг и мой брат,
твою чистую душу ввергли в пламя и ад.

Задаешься вопросом: «Зачем я живу?

Может быть, умереть, лечь под дерн и траву?»

Если нету у бедного ничего

ни при жизни его, ни при смерти его,

если у богача лишь одно торжество

и при жизни его, и при смерти его,—

пусть же схватка тогда разразится скорей...

С боязливым животным сравню людей!

Если высшего разума меркнет свет,

если ни идеала, ни бога нет,

то какая сила, закон какой

справедливость чья, мой старик святой,

воспрепятствуют мятежу души

против всех обид, против низкой лжи?

Не взорваться ль яростным рукам,

разрывая чрева господам?

Лишь с животным сравниваю людей,

обреченным гибели своей!

Нет и нет! Ты в снежный, холодный час

убирай с дороги людскую грязь,

подметай и знай: будет грязь всегда...

И не думай — не стоят думы труда...

Подметай: без хлеба внуки сидят.

Подметай: ведь долг — что ни скажешь — свят.

Подметай, чтоб, когда под вечер швырнут

жалкий грош за твой подневольный труд,

проклял бы подачку в душе своей...

С проклятым животным сравню людей!

Знаю: вглядываясь ночами во мглу,

ты лежишь на отсыревшем полу,
грустно смотришь на спящих детей-сирот,
размышляя, что завтра придет черед
им под рабским ярмом, как скотине, молчать,
а потом перед Смертью бесславно предстать.
Плачет старое сердце от горьких тревог,
ищет старое сердце, где защитник наш — бог?
Бог в тебе умерщвлен...
Правду уразумей:
только с подлым животным сравню людей!

1911

5

ИДТИ

Идти, идти, идти, с судьбою не лукавя,
без шума и торжеств, не думая о славе,
как тихий ручеек, укрытый в разнотравье.
Идти невесть зачем, идти невесть куда,
идти тайком от всех, минуя города,
идти ночами и не оставлять следа.
Идти, идти, идти без света и лампы,
не ведая ни слез, ни горя, ни отрады,
и не питать надежд, и не желать награды.
Знать, что среди людей никто тебе не друг,
глухим, слепым, немым, людских чуждаясь мук,
бежать как от чумы от Слова и Наук.
Не материальным стать, стоять вне жизни где-то,
сомнамбуле под стать, и, сознавая это,

уже не ждать в ночи восхода и рассвета.

И не догадываясь, что ни здесь, ни там

нет идеалов и поруган правды храм,

паломником идти к далеким берегам.

Вдали от Бога и людей, сестра, с тобою

идти — рука в руке — дорогою Любою,

точь-в-точь изгнанники, точь-в-точь Мечта с Любовью.

1912

ИЗ СБОРНИКА «КРАСНАЯ КНИГА»

РЕЗНЯ И БЕЗУМНЫЙ

(Сценический монолог)

хохот

Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!

Душит мучительный смех.

С трупом отца на плечах

По полю смерти в лучах

Ночи иду. В тишине

Прошрое липнет ко мне.

Старый священник, тяжел

Труп твой печальный. Нашел

Я тебя в щели сырой —

Не был спасен ты дырой.

Кто над тобою занес

Смерть? Ты удушен, как пес.

Выгнав меня за порог,

Ты и подумать не мог,

Что возвращусь я опять
Долг свой последний отдать.
Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!
Душит мучительный смех.
Жизнь глуповата, а тут
Умники — те, что идут
(Жены и четки с собой)
К церкви воскресной толпой
Пред Богоматерью жечь
Бледные столбики свеч,
Петь и молиться притом
Чинным постящимся ртом,
Чтоб всю неделю потом
Радость в ином находить —
Врать, воровать и блудить.
Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!
Душит мучительный смех.
Жизнь глуповата, а тут
Души господ, что живут,
Зная лишь легкость и лоск.
Свой они девственный мозг
Не утруждают ничем.
Думать о смерти? Зачем? ..
Здесь их дешевый софизм,
Их продувной эгоизм,
Мысли единой угар:
Был бы полнее амбар!..
Здесь бездыханная рать.

Свадеб уже не играть...

Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!

Псы прерывают мой смех.

Мрак безнадежен и густ.

Чавканье слышу и хруст,

В пастях сомкнувшихся их —

Верткое мясо живых...

Нет ни друзей, ни родных,

Лечащей нету руки...

А молодые быки

С поднятой вверх головой

Мчатся тропой полевой,

Скрывшись в далеких лесах

С пламенем в красных глазах...

БЛУЖДЕНИЕ

И всю ночь кружу я, позабыв обитель.

Глупый я, глупый.

Ум забрал ты мой — жизнь возьми, Спаситель,

боже наш глупый.

Но предсмертным взглядом смотрят отовсюду —

глупый я, глупый!

Что же, умирайте, я еще побуду

в жизни этой глупой.

С поля смерти темень уношу я, бедный,

тени своей глупой.

Меня не убили — закричали вслед мне:

«Глупый он, глупый!:

Что ж, смотрите в оба, маясь хрипом смерти,

смерти этой глупой.

Вся в крови история — нет глупей, поверьте,
ее глупой, глупой.

КРАСНЫЙ СУД

Край какой, год какой от рожденья Христа?
На том свете икнется какому владыке?
Был он добрым, была его совесть чиста,
А подробности жизни исчезли, как блики.
Даже имя коня его я позабыл...
Ночь была. Дан приказ примечательный был —
Чтоб в семи городах за семь дней без пощады
Всех мальчишек убить, кому нету семи,
А постарше не трогать... И старшие, рады,
Королю благодарно сказали: «Возьми
Наших девушек лучших — одну из семи.
Всем за семь. Пусть послужат тебе для услады.
В дар себе и своим приближенным прими...»
Ах, потеха с числом замечательным семь!
Венценосцы, свои обживая палаты,
Эту старую мудрость забыли совсем...
В этот хаос смотрю, неуклюже стою.
Как назвать мне пристойней прогулку сию?
Ну зачем было тем черепа рассекать,
У кого они вечной полны пустотою
И дрожаньем? Подобною ночью густою
Эти спины по полю зачем рассыпать
И мешать рассыпаться им в низких поклонах?
И зачем изгонять из Аркадии оных?

Эти пошлые жизни кого привлекли?
Эти пошлые люди костями полегли...
Если б вы им оставили глаз — только глаз! —
О владыки, они бы молились за вас!..
А чего вы добились в конце-то концов?
О владыки, зачем умертвлять мертвецов?..
Расплодили сирот, тьмою усыновленных,
И идут они по миру, телом малы,
Но читаешь легко в их глазах опаленных:
Они телом малы, а душою зрелы.
Нет у них ничего — ни родни и ни бога,
Нет у них даже горсти родимой земли.
Есть у них только слезы, пустая дорога,
И протянуты руки за коркой. Нашли
Они зверя, святое ища в человеке
И озябшей душой разуверясь навеки...
Осторожно! Они никому не простят.
Они встанут однажды на сгнивших костях!
Утверждая мечом свой закон непреклонный,
Свою Волю объявят на Красном Суде.
Как узнать в них сирот, тьмою усыновленных?
Как узнать в них бедняг, погибавших в нужде? .
Этот день непременно придет, и тогда —
О, беда вам, беда вам, беда!..

ТЕ, ЧТО ИДУТ

«Вот мы идем! — они кричат. — Ваш крах

Уж близок. Топот сотрясает воздух.

И дышащая тьма у нас в глазах,
И запах крови раздувает ноздри!»
«Вот мы идем! — кричат. — И колесо
Страданий наших мы вперед толкаем.
И дрожь стоит от наших голосов.
Мы по живым идем и повторяем:
«Вот мы идем!» Дороги не закрыть
Пред яростью могучей нашей силы.
Идем, чтобы заставить говорить
Бесчисленные общие могилы.
Вот мы идем, подобные стреле,
Во тьму вонзенной в яростном протесте.
И в страхе мы, и страх несем земле
Мы — распаленные посланцы мести.
Мы — шпага и закон. Своих твердынь
Мы не оставим в лапах поражения.
Мы — новые паломники святынь
И сумерек светлейшее рождение.
Вы соскоблили с наших юных кож
Для свадеб и грехов себе палаты.
Вы продавали нашей крови дрожь
За плату, что потребует расплаты.
Захлопните сердца. Сейчас для них
Продолжится кровавейшая повесть.
Точите меч о зубы чад своих,
О собственную каменную совесть.
Вот мы идем, и рушится судьба
От этого кошмарного парада.

Мы — трупы, мы — пустые черепа,
Но мы идем, и что для нас преграда?»

СТАРЫЙ СВЯЩЕННИК

Мне нужно поспешить и постараться,
Пока не наступил рассветный час,
Как следует укрыть от зорких глаз
Сиятельного солнца тело старца.
Пока не наступил рассветный час...
Ты говорил, отец: «В смирение суть.
Оно одно — кратчайший путь до рая».
Но армянину часто, уверяю,
Нож курда укорачивает путь.
Нож курда укорачивает путь...
Я по телам шагаю с мертвецом.
Остановиться я уже не в силах. . И кажется, что кровь свернулась в жилах
И в стопы мне сползла глухим свинцом...
И в стопы мне сползла глухим свинцом...

РЕКА

Преградила путь мне
бурная река.
Труп отца я отдал
бешеной воде,
Не увидит больше
солнце старика,
Не найдет нигде,
Не найдет нигде.
Ну, прощай, священник,

с богом уплывай.

Позабудь о бренном,

о земном забудь.

Ты искал кратчайший

путь в желанный рай.

Вот он, этот путь.

Вот он, этот путь.

Рассветет однажды,

и речная гладь

Лебедей приветит

с небом заодно.

Песня с уст сорвется —

ну а горевать

Не о чем давно,

Не о чем давно.

Правда, может статься,

вдруг со дна всплывет

Желтоватый череп —

ну и что с того?

Поцелуй влюбленных

он на миг прервет.

Только и всего.

Только и всего.

БОГ

По воде легко

небеса плывут.

О, резни слепой

нечестивый суд!
У луны в ночи
неподвижен взгляд.
Млечный Путь молчит,
грозди звезд висят.
С них во мгле пустой,
с них во тьме ночной
Каплет свет густой,
словно сок хмельной.
Умереть? Но как?
На твоих глазах,
Средь других бедняг
и в слепых слезах?
Высоко твой трон
и высок твой гром.
Грозди звезд висят
над твоим челом.
Гниль слюны во рту
накоплю тайком
И тебя, мой враг,
одарю плевком.
Но высок твой трон,
не достичь плевком.
Пустота кругом,
высота кругом,
И семь арок в ряд
над тобой стоят.
И земли моей

твой не видит взгляд.
И твоих — чужих —
нам не видно глаз.
Недосуг тебе
снизойти до нас.
Золотым путем
по ступенькам вниз
Ты спустишь в наш дом,
поскорей спустишь!
Черной бездны тьма —
эшафот глухой.
Не сойди с ума
на дороге той.
Спрячь горячий свет,
и глаза твои
Не увидят смерть
и поля в крови.
Я глупец — кому
сей поток словес?
Умер Бог давно
в вышине небес.
Труп, о Боже, твой
так зловонен, гнил,
Он унижил сон
вековых светил.
Так огромен он,
так велик твой труп,
Многолик твой труп

и безлик твой труп.

ПЕСНЯ В НОЧИ

Умерли розы,

Умерли розы.

Умерли каждым

Своим лепестком.

Умерли розы,

Умерли розы,

Я по умершим

Иду босиком.

Высохли росы,

Высохли росы.

Сколько печали

В розах родных...

Умерли розы,

Умерли розы,

Как же на свете

Жить мне без них?

Видишь, мой Боже,

С темною мукой,

С темною мукой

Розу зову.

Где моя роза,

Где моя роза?

Как я разлуку

Переживу?

Кличу с любовью

Смерть к изголовью.

Пусть моя роза

Ляжет на грудь.

Тихо отправлюсь,

Мирно отправлюсь

С розой умершей

В грустный наш путь.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Кто эта девушка, одетая тоскою?

Куда безумной поступью такую

Она спешит, не ведая пути?

Вокруг тела и стоны впереди.

Кто этот полумертвый, на котором

Она застыла онемевшим взором?

Крик. Он подняться пробует. И страстью

Одерживает верх над темной властью

Небытия... Объятия. Рот в крови

К устам ее прирос в пылу любви.

И поцелуй зацвел сквозь смерть и страх

Соленой розой на ее устах.

Есть чертов круг, и нет страшнее круга:

Любовь и смерть в объятиях друг друга!

Пальнул я. Черепа вобрали пули.

Я крикнул тем, что навсегда уснули:

«Эй, друзья,

Ответит пусть

Мне из вас

Хоть кто-нибудь —

Где он,

В рай кратчайший путь?»

— «Вот он, этот путь!»

ЗАВЕТ РОДА

И, удивленный сном их беспробудным,

На головы их робко положил

Я голову свою. Глаза смежил

И сном забылся, медленным и трудным.

Но великан вдруг подошел ко мне,

Потряс плечо мое рукой суровой:

«Что, сумасшедший, видишь ты во сне?

Поведать сон свой мне теперь попробуй».

«Я вижу сто старинных городов,

Сто башен древних там, за желтой далью.

И сто колоколов с глухой печалью

Висят, не зная певческих трудов.

Я вижу горы в пепле и песок

Пустыни дальней — мертвенный и бледный.

Я вижу крепости — стоят над бездной,

Пред временем закрыты на замок.

Надгробья наши вечным сном залиты.

А надписи на них: «Здесь погребен...»,

Истоптанные тысячью племен,

Который век не покидают плиты.

Но, как по знаку, медленным зевком

Колокола свой сон прогнали грешный.

Все сто колоколов во тьме кромешной

Вдруг шевельнули пыльным языком.

Приподнялись надгробья молчаливо,
Себя усилием темным напрягли,
И сто князей легко и горделиво
На белый свет явились из земли.
И шествует Завет земли моей,
И нет ему ни смерти, ни изгнания,
И нет ему преград. На расстояние
Он отпер все ворота крепостей.
И семь веков идут князья — ни страх,
Ни слабость не царят над шагом стройным.
И цепи как ручьи на их ногах.
Щиты их ржавы, а глаза спокойны.
Летит по ветру одеяний бязь...
На том, кто впереди, в роскошном блеске
То ль знаменитый пурпур королевский,
То ль рода кровь... Не разгляжу я, князь...
И руки обгаренные свои
Я протянул к ним с душною мольбою:
«Возьмите и меня, князья, с собою —
Служить Завету с верою в крови!»
Но вот рассвет взмахнул своим крылом,
И сто князей в могилы вновь спустились.
И с ними вновь земля моя простилась.
И мир не вспоминает о былом...»
Всё сгнуло. И мне не до речей,
И нужно в щели в этот час сиянья
Скрыть, как сове, свое существованье
От справедливых солнечных лучей.

1910

ПЕСНЬ О ЧЕЛОВЕКЕ

(Поэма)

В СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

РОЖДЕНИЕ

1

В тот год, цивилизацию познав
на Западе и от нее устав, —
там человек — машина, совесть — прах,
там мир — завод, гудящий на путях,
любовь — расчет, религия — мошна,
и в счастье — драма лишь заключена,
там смерть — нелепость, жизнь — жестокий
бой
там даже время — негодяй седой,
что бьет своим искусным молотком
по мыслям, скрытым за высоким лбом, —
итак, устав, отчаявшись вконец,
как вечный и бессмысленный беглец,
затосковав по отчей старине,
душою устремился я к родне,
в восточное село меж горных гряд,
где ладана струился аромат.

2

Я с матерью вошел в церковный сад,
остановился у высоких врат.
Смеетесь вы? У вас один пример —

Лукреций, Эпикур или Вольтер,
добавим стопку непонятных книг,
в чьи ветхие страницы скептик вник, —
мать свято верит богу своему —
над ней не дам смеяться никому:
ей мало жить осталось на земле,
час подойдет — и скроется во мгле.
Старушка мать стоит одной ногой
в часовне и на кладбище — другой,
и для нее всевышний добрый бог —
как беспредельной правоты порог.
Лишь муки она знала до сих пор,
надеется на честный приговор.

з

Вы все — Вольтер, Гораций и Зенон —
кем ни были б — из канувших времен,
вы в прошлом все... Тогда как тыщи лет,
с тех пор как существует белый свет,
склоняются в молитвах тьмы людей.
Я с верой пошатнувшейся своей
не посмеюсь в гордыне чувств пустых
над тем, что свято для людей других, —
среди колонн Карнака или там,
где встал язычества старинный храм,
гам, где огнепоклонников холмы,
там, где сивиллы пламя среди тьмы,
где жертвенников ассирийских ряд,
где церкви христианские стоят...

Снимите шляпы, ибо там народ
ковал свои надежды, свой оплот, —
там — кладбище живущих...

4

Вошел в церквушку я, склонясь слегка.
Она была мала, но широка,
по в ней вмещались Бог и вечный срок..
Покорно камень в ней на камень лег,
лег безыскусно, так, как из земли
деревья молча б вырасти смогли.
Подсвечник, крест и темная скамья
струили дух иного бытия..
И с жалких канделябров по углам
свисало Время, как покойник там
дремало Время испокон веков
под звон кадильных тихих бубенцов.
И не было в церквушке суеты
и были лишь безбрежности черты,
лишь Бесконечности глубокой гладь,
где пахари учились умирать...

5

В тот день народ в свой сельский храм спешил, —
отец вельможный отпрыска крестил,
а для деревни это торжество
такое же, как праздник Рождество
для коренных назаретян... Дивись —
и стар и млад в церквушке собрались.
И слово, изо всех стараясь сил,

в честь праздника поп сельский сочинил.

Поп не прославился, как златоуст,
но был с душою, полной чистых чувств,
умел читать и знал родной язык
и этим уважения достиг.

В миру был плотником, застенчив, тих,
точь-в-точь Марии девственный жених.

Так риза шла ему и борода,
как будто бы он с ними жил всегда!..

6

Он встал у алтаря меж двух свечей
и речь держал. Внимали люди ей:
он проповедью в благость повергал,
хоть речи смысл никто не понимал...

Псалом есть «Умножайтесь». Тот псалом
для проповеди взят святым отцом —
«Пусть будет много у людей детей,
как у оливы множество ветвей».

Вдруг вздрогнул я, смущен и удивлен:
тот имя произнес «Наполеон!..»
В церквушке, затерявшейся в горах,
звучит «Наполеон!» — и в сердце страх.

Ведь призывал тот, сострадания чужд,
растить детей для новых ратных нужд.

Он ждал, чтоб войско новое пришло
таскать орудья из села в село...

7

При выходе из церкви в час дневной

два шествия столкнулись меж собой.

Нет, вовсе не одна из тех картин,
где встреча смерти с радостью крестин,
где празднество рождения и прах,
что равно держит Бог в своих руках...

Два шествия. И в каждом — каждый рад.

В одном — младенец с первых дней богат,
в другом — дитя бездомной нищеты,
сошлись богатства, бедности черты.

Богатый мальчик — в кружевах чепца,
а бедному — лохмотья от отца,
богатого — одел в шелка отец,
а бедного — терновый ждет венец,
один — уж власть, другой же — вьючный скот.

И судьбы их известны наперед.

8

Но есть один таинственный закон,
в том суть его, что семя наглых он
способен в чреве чем-то поражать,
стремясь, быть может, судьбы уравнивать.

И чахнут мстительные семена
в утробе — бледность в их ростках видна.

Трат не жалеет богатей отец,
ему покорен золотой телец,
но он ласкает хилого сынка,
затянутого в нежные шелка.

А сколько бедных молодых людей,
друг друга полюбив душою всей,

друг к другу словно молнии влечась,
забыв, что им сулит грядущий час,
великих исполинов создают,
свой клятый жребий им передают...

9

Испуганный, я вспомнил, поражен,
что был спартанский варварский закон:
слаборожденных в бездну темных вод
бросали, зная, что их гибель ждет.
Столетия с тех пор уже прошли,
и мы чудовищ равными сочли
себе, решив, что чувства есть у них
и право есть на жизнь в кругах земных.
Неважно, что за ними смерть стоит
и что закон для них — надежный щит...

Я красный занавес не подниму
(закон — вот имя, данное ему),
чтоб увидеть непокоренных там,
упрятанных по каменным мешкам
и отданных жестоко палачу
за то, что восклицали: «Жить хочу!»

ю

А я глядел на тех и на других.
Не говорите больше слов пустых
о крови чистой, крови голубой,
о чести, что привносится семьей.
Вот два новорожденных. Как жучки.
Убить их смогут ветки и сучки.

Хотят дать имена им. Смысл какой?
Ведь каждый наречен уже судьбой.
Один есть Раб. Другой есть Власть.
«Нет сил
у ящери бескровной», — так судил
мой собеседник. Но зачем шакал
о крови ненасытно возалкал?
Тот, кто есть Власть, — не черствым хлебом сыт
в чужую плоть свои клыки вонзит.
Закон — его надежда и оплот.
Он станет князем, — так ликуй, народ!..
и
Забилось сердце птицею в силках,
и дрожь мне не унять в своих ногах.
В мозгу возникло множество картин:
вот виселицы посреди равнин,
как кипарисы. ..И в глухой дали
пожаров отблеск на челе земли.
Там тесным строем легион рабов
идет, свергая идолов, богов,
князей, хозяев, чья казна полна,
идет и сеет братства семена
и делит равно хлеб среди людей...
Слеза скатилась по щеке моей.
Открыл глаза... Виденье лишь одно.
Все разошлись, и в церковке темно...
Путь утешенья моего был прост —
на поле равенства шел, на погост...

НА СЕЛЬСКОЙ ДОРОГЕ

ЖИЗНЬ

1

На камне, у дороги, что вела
на кладбище от церкви и села,
я, человек Востока, молча сел,
с тоскою и печалью я смотрел
в тот тихий и мистический простор,
что волю и молчание простер.
Там, где лазурь небесный свет струит,
без боли, без улыбки, без обид
селились люди, травы, муравьи,
не ведая ни гнева, ни любви...
Там Неподвижности закон царил, —
без роста, без улыбок и без крыл,
сближая бесконечные миры,
там жили люди... С давней той поры
надменный Запад презирали там...
Молчанья даль, открытая очам!.

2

Кадильница огромная — Земля,
мечтаньями свой разум утोलя,
дымила скукой, как молитвой длинной,
в неторопливости спокойной, чинной.
Там небеса с безоблачных высот
на землю падали от их щедрот
благословеньем вечности святой,
как дождик мелкий, дождик золотой.. <

Там под огнем полуденных лучей,
меж стелющихся на ветру полей,
где лепится, как гнезда, хижин ряд,
где траурно развалины торчат, —
виталя отрешенность бытия,
от жизни отторженья не тая,
но связанная с Прошлым и Мечтой...

Смерть отрицалась Смертью же самой.. <

з

Мысль Запада вслед слову «Жизнь» всерьез
вычерчивает лишь одно — вопрос, —
у нас иные мысли и умы —
вслед слову «Жизнь» три точки ставим мы...

Когда на Западе и гул, и гам
и расчленяют душу по частям,
исследуют и бога, и святых —
мы думаем о точках лишь своих...

Когда на Западе надменно мыслят, мы
роняем слезы, ибо знаем мы,
что, нераздельны с небом и землей,
мы — колыбель меж ночью и зарей
качающаяся. Негасимый свет
в могиле гаснет и теряет след...

Напомнит плач, пронзая скорбь и тишь,
кем ни были б — мы люди, люди лишь...

Так жили в прошлом, так живут сейчас
сыны Востока в жизни краткий час.

В дыму благоуханий дорогих

неведомы прозрачным душам их
бряцанье софистических наук
и Славы в грубой тоге ложный звук...
Они прошли по Жизни, ни о чем
Жизнь не просили на пути своем.
Дно Жизни их к себе не завлекло,
скользили, как бесшумное весло...
И опьянялись ясно, до конца,
и плакали их верные сердца...
Они родили дивные края:
Эдем, нирвану — мир небытия,—
Христа... И родовые муки их
легли как Смерть среди дорог земных...

5

Они взирали на прогресс и жизнь
как бы на некий сложный механизм.
Так на поляне, тихой и лесной,
олень, качнув ветвистой головой,
глядит на фыркающий паровоз.
В его мечтательных глазах вопрос:
«Куда неведомое существо
спешит, само не зная для чего?»
Кто ранее, кто позже, но все мы
дойдем бесспорно до могильной тьмы...
Вот жизнь: за ложью набегают ложь,
одна закончится — с другой живешь.
Рождаемся, как волны, в бездне вод,
и каждый гордо в полный рост встает,

но только пеной обросли морской,
как исчезаем в миг последний свой...

в

И так должно из Жизни всё уйти...

Я с камня возле самого пути
глядел на путь, отчаявшийся путь,—
он мне раскрыл времен минувших суть...

Ах, этот путь извилистый, в камнях,

443

бегущий вечно, поднимая прах,
родной мой путь, ты — колыбель людей,
рожденный в темной глубине первых дней.

. По лону древней, выжженной земли

от Гималаев до Ирана шли,

от Арарата до Босфора шли,

до ясных вечных вод Дуная шли,

во все четыре стороны Земли

шли Человечества отцы в пыли,

вдоль опаленной полднями лозы

тянулись их скрипучие возы!..

7

Впервые боль мою стеснила грудь,

и застонал я, вглядываясь в путь...

И ужаснулся я, и прах с пути

взял в горсть свою. И прах темнел в горсти.. ♦

О, сколько жизней, вспыхнувших в веках,

таил в себе дорожный этот прах!

О, сколько человеческих костей

в прах обратилось за миллионы дней!

И в этом прахе я себя узнал:

вот — космами обросший житель скал,

а вот — в доспехах молодой стрелок,

а вот — я царь, — весь мир лежит у ног, —

а вот — я пленник с бритой головой,

а вот — певец с чарующей струной,

я нынче — тень без воли и примет,

не человек, не бог и не поэт!

8

Вот — Соломон. А вот — из древних стран

везет алоэ царский караван...

Несут верблюды на спине своей

от Ганга — пряность, россыпи камней,

от моря Красного — кораллов клад,

а из Дамаска — шелковый наряд

в дар Клеопатре — свету всех светил...

Эдема чудо там я пережил,

пьянящее мой дух из тьмы веков, —

красу Семирамидины садов.

Сквозь страх я слышал голос без помех, —

то Марк Антоний, ввергнутый во грех,

продавший сладострастию свой щит.

И не один народ, что мглою скрыт,

со мною говорил, погибнув зря

по прихоти какого-то царя...

9

Меня рука коснулась, тяжела.

Душа от сновидений отошла.
Крестьянин с опечаленным челом.
«Скажи, как звать тебя?» — «Зовусь
Трудом...»
— «Что делаешь тут?» — «Нищенствую я». —
И молча удалился.
Скорбь тая,
пошел за ним до дома я сквозь мглу...
С открытыми глазами, на полу
лежала при смерти его жена,
и, задыхаясь, мучилась она.
Принес малыш, смысленный мальчуган,
чтобы я сел, рассохшийся чурбан.
Отец сказал: «Без хлеба дом держу,
ведь на работу я не выхожу,
вдруг отойдет она к исходу дня...
Кто ей глаза закроет без меня?...»
ю
И, как на бога, скорбная жена
на мужа смотрит, кротостью полна.
В любви совместной жизнь их протекла,
хоть скудно жили, жизнь была светла.
И не было у них обид и. ^сор,
и не делили ни добро, ни двор.
Хозяйка домовитою была:
постель тепла, хлеб посреди стола.
Но неотменно повелел Господь
в могиле успокоить ее плоть.

Она успела мужу наказать,
кого ему в деревне в жены взять,
чтобы прилежной новая жена
была б и чтоб заботилась она
о сиротах и муже, чтоб телка
выхаживала в поле до годка.

11

В раздумье о загадках бытия
дрожащим этот дом покинул я.
Я размышлял о том, что человек,
как раб, охотней нищенствует век,
чем дедовским отточенным ножом —
хоть и шутя — сверкнет пред богачом,
чтоб позолоченных пугнуть богов!..
Я размышлял о том, что не готов
соперничать с Богатством хилый Труд...
Я размышлял о том, что власть берут
«всевышних» сонм — бескровных, злых,
пустых,
и шар земной покорен воле их...
Я размышлял о силе, о шуте
(что мы зовем законом в простоте...).
Путь утешенья моего был прост —
на поле равенства шел — на погост.

НА СЕЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ

СМЕРТЬ

1

Когда скептически, улыбки не тая,
ты допивал осадок Бытия,
когда искуснику служил, а он
природою был Горем наречен,
когда познал Любовь в часы зари,
когда познал не внешне — изнутри
историю народов и проник
в претенциозное искусство книг,
когда узнал: в заносчивых сердцах
скорбь — по минувшему, перед грядущим —
страх,
когда ты, чтобы истину найти,
исследовал небесные пути
(обитель вечную былых богов), —
уверился, что нет иных краев,
которым быть милее для души,
чем кладбище убогое в тиши...

2

Я на кладбищенскую сел плиту.
Могил обозревая пустоту,
напрасно думал, что сей уголок
избрал себе купец жестокий — Бог,
чтобы наказывать сурово Зло,
чтобы Добро вознаграждать светло...
В сад смерти углубляясь не спеша,
я зря твердил: «Бессмертная душа!..»
Бессмертье! Но мелькнул на небе свет —
в прах превратились тысячи комет

и в сонме звезд тускнеет свет лучей,
в ночи затих последний соловей,
и бездыханны звери и трава!
Повсюду Смерть берет свои права...
Гость неба — человек — скорбит давно.
Бессмертье! Сколько длится? Где оно?

3

Откуда ж в человеческой душе
надежда? Даже в миг, когда уже
земля скрывает неподвижный прах,
мечтает человек, чтоб жить в веках.
Зачем, когда он превратится в тлен,
когда он попадает Смерти в плен,
надежду на Бессмертие таит?..
Когда козел с утеса вниз глядит
в бездонный, головокружащий ров;
когда из-за разросшихся кустов
волчонок видит волка смертный час;
когда шакал, в пучину погрузись,
захлебываясь, тонет, присмирив;
когда перед закатом грустный лев
последний рык издаст, таясь в тени,—
не о бессмертье думают они...

4

Наш бедный пращур, человек Адам,
был беззащитен, безоружен сам,
перед лицом стихии неземной
он не считался со своей душой,—

презрел бессмертье пращур в свой черед,
дабы вкусить запретный, сладкий плод.
Под тяжкой ношей в пятьдесят веков
старели люди всех материков.
Мозг человека был пытлив и смел
и потому всем сущим овладел,
нашел себе рабов среди зверей,
проникнул в тайны звезд, небес, морей
и возвеличил множество богов,
чтобы низвергнуть их в конце концов,
с Природой стал, как равный, говорить,
а нынче хочет Время покорить...

5

Мечтает быть бессмертным человек,
не отличая от минуты век,
как время, мучиться, грустить, тужить,
но бесконечно, бесконечно жить...
Пусть валит с ног усталость, плоть больна,—
была бы лишь навечно жизнь дана...
Быть травкою без глаз, без языка, —
лишь жить бы в бесконечности века...
Быть мертвым камнем, голою скалой,
быть речкою с болтливою волной,
металлом быть или трухлявым пнем, —
лишь жить бы, не смирясь со смертным сном...
Обожествленный человек, стыдись,
в своем высокомерии уймись,
ты всё отдашь, чтоб жизнь не прервалась...

Взгляни на желтый лист в осенний час!

6

Твердят: наука новая дотла

все летописи старые сожгла,

материя лишь вечна, но мертва

душа, — не верьте, люди, в те слова!

Пусть мумии египетских песков

раскроют тайны канувших веков.

На Парфенон взгляни, — бессмертных сонм

кичится вновь, взойдя на Парфенон,

но даже муж, прозревший идеал,

за статую бы жизнь свою отдал...

448

Есть Жизнь. Есть Смерть. Борьба их всё лютей!

И даже самый умный средь людей,

увидев Смерть, взмахнувшую косой

над милой и кудрявой головой,—

сжав горло Смерти из последних сил,

как бешеную тварь бы удушил...

7

«Как бешеную тварь...» Нет, слаб язык...

Я помню, как к подушке друг приник,

слезами орошал ее, рыдал,

свет завтрашнего солнца призывал,—

а солнцу для него уж не светить, —

так тщетно он пытался жизнь продлить,

с постели встать... Сквозь стоны и сквозь сны

он прижимался к белизне стены,

и ужас неподдельный был в глазах...

«Я здесь!» — вскричал я, ощущая страх.

Тянулся он к глазам моим рукой,

я жил, а он стоял пред вечной тьмой...

«Я понял жест последний твой, мой друг...

Но я боялся смерти, этих рук;

любовь как ложь... Мы родились на свет,

а возле колыбели Смерти след...»

8

Как птица, раненная влет стрелой,

цепляется за воздух над землей,

как утопающий, схватившийся за круг,

но всё равно на дно идущий вдруг,

как умирающий орел в горах

за камень держится, а смерть в глазах,

так друг, совсем бессильный, чуть живой,

припал к подушке слабой головой...

Быть пригвожденным к ложу, гнить и преть —

как хорошо! Лишь бы не умереть...

За жизнь он бился не смыкая глаз,

кровь горлом хлынула в смертельный час...

А что оставить на земле он смог?

«Остались мы», — сказали Прах и Бог.

Рифмую у кладбищенской плиты,

слова мои бесчувственны, пусты.

9

Я оглядел зеленый этот край,

и с дрожью я подумал невзначай

о страшном аде Данте-старика...
Вокруг меня как бы исподтишка
кружиться начал рой существ людских,
с открытыми устами и немых,
в тьме, обжигавшей жаром горячо!
О Дьяволе подумал я еще,
что Мильтоном, незрячим мудрецом,
провозглашен владыкой и творцом, —
трезубец Дьявола весь род людской
приводит в беспокойство день-деньской...
Еще подумал я о Грозном дне, —
вот зарокочут трубы в вышине,
на небо хлынут сонмы мертвецов...
Не слишком ли для нас, в конце концов?
ю
Людская совесть, мучаясь впотьмах,
измыслила и ужасы, и страх,
и рай для мертвецов в святом саду,
и дьявольских мучений череду!
Но тяжести я здесь не испытал,
жизнь — медленно вкушаемый бокал
безделья без резьбы и новизны,
без красок, чьей игрой мы пленены...
Здесь розы облетают на кустах,
бутон от жажды потемнел, зачах.
А если вопль раздастся в тьме ночной —
знай: крик совы над гробовой плитой.
А если тень мелькает наяву —

знай: скот на пастбище жует траву.

А если разрывают прах и тлен —

знай: дело виршеплета и гиен.

il

Склонился грустно я и уловил

вдруг голос, исходящий от могил:

«Твой брат я и сестра я в тот же час;

вселенной я слепой огромный глаз;

аз есмь всему начало и конец;

450

я пропасть и цветущих нив венец;

я тот, кто породил тебя, я — тот,

кто от тебя на свет произойдет;

я тот, кого все благом назовут;

тот, от кого все в стороны бегут,

но им не убежать. Прощаю я

тех, кто питал надежды на меня,

и тех, кто издевался надо мной.

Все равно порастут моей травой...

И косит мир моя коса, звеня...

Мне имя — Смерть, но Богом звать меня...»

1909

. ИЗ ЦИКЛА «ПОСЛЕДНИЕ

ИЗ АРМЯН*

1

КОЛОКОЛА

Проснитесь, добрые колокола!
Кто вырвал языки вам из гортаней?
Кровь просит слова, а не бормотанья.
Довольно вам молчать, колокола!
С какой поры ваш медный звон покрыт
Молитвами, как кожурою пыльной,
И дышит гарью ладан ваш могильный,
Не в силах горя высказать навзрыд?
Или устала вековая медь?
Но если зло творит свою расправу
С добром, то, значит, онеметь пора вам —
Не веря в бога, смирно онеметь!
Вы увидали с вышки в эту ночь,
Как сотни тысяч христиан во храме
Повержены дубьем и топорами
Иль в ужасе шарахаются прочь.
Вы увидали весь простор земной,
Который пламенем костров увенчан,
Сожженье стариков, детей и женщин
И божий трон, засыпанный золой.
Смотрите же! Вот трупная гряда
Уперлась в тучи, страшно вырастая.
Заражена гангреной вся святая
Рать ангелов, ленивая орда.
Где обещанья, что давал наш крест?
Где братство? Где порука круговая?
Земля блюет, в пожарах изнывая,
Разбухли реки трупами окрест.

Все, кто страшится, на землю ложись!
Меч, а не крест владеет правдой ныне.
Кто храбр, тот и ликует. Прочь унынье!
И он у ближнего отнимет жизнь.
Да, ибо дни иные далеки,
Когда ягненок с волком подружится.
Ягненку надо в сталь вооружиться
И наточить с младенчества клыки.
Я раскачал бы вас! Я бы хотел
В металл ваш впиться пальцами своими
Во имя всех, что пали, и во имя
Непогребенных сотен, тысяч тел.
Иль в вас оглох души моей свинец?
Гуди и вой, и с бешеной отрадой
Сорвись с железных гнезд, и падай, падай!
От века вы оплакивали падаль.
Раззванивайте! Бога нет. Конец.

1909

2

О, МОЯ РОДИНА...

Как упоительна ночь и ясна!
Как безмятежно окрест и дурманно!
Болью своею объятый, без сна
долго и грустно брожу у Лемана.
Как упоительна ночь и ясна...
Тихие мерные всплески весла
кажутся музыкой парочкам юным.
Павшая с неба звезда проросла

нежным цветком в этом озере лунном.

Издали слышатся всплески весла.

Чудною, сказочною целиной

Альпы над миром снега взгромоздили

и серебристо блестят под луной —

древним свидетелем новых идиллий.

Снег на вершинах лежит целиной.

Как беспредельна и сладостна ночь!

Всюду — от выси, луной озаренной,

до онемелых таинственных рощ

и до полей, омываемых Роной, —

и беспредельна, и сладостна ночь!

Ну а тебя, о родная страна,

всепожирающий пламень кровавый

гложет, и, заревом озарена,

жертва чудовищной, зверской забавы,

ты издымилась, родная страна.

О, моя родина дальняя, где

лебеди, что на Евфрате и Ване

в побагровевшей от крови воде

белым и чистым крылом упованья

грудь рассекли бы жестокой беде?

Край Араратский, священный мой край,

где же сегодня твои пасторали,

где он, наивный мифический рай,

как же мы всё это порастеряли,

край Араратский, священный мой край?

Феи армянских задумчивых гор,

где они, песни, что прежде вы пели,
чтобы их ветер унес на простор,
и отчего умолкли свирели,
феи армянских задумчивых гор?
Боже! Преследуют вопли меня
тех, кто под ветром судьбы ураганным
прочь убегает из моря огня,
тех, кто слепым поражен ятаганом,
вопли повсюду терзают меня:
«У-у... Это мы, это мы, это мы!
Меч нас разит, опаляет нас пламя,
нет нам спасенья от горя и тьмы,
гонится смерть неотступно за нами,
наги мы, и обездолены мы.
Мы погибаем, последки кровей
древних и славных — дрожащие дети
да старики, — нас несет суховей,
нас не останется скоро на свете,
жалких последков армянских кровей.
Будьте вы прокляты! Пусть на века
кровь наших ран застилает глаза вам,
пусть захлестнет вас несчастий река
и да соткет вам грядущее саван!
Будьте же прокляты вы на века!»
Как упоительна ночь и ясна!
Пойте ж от счастья! Да будет воспета
этого озера голубизна
и безмятежность блаженная эта.

Как ваша ночь и хмельна, и ясна!
Долго брожу я... Броди же, глупец,
слезы смиряя в душе и унынье,
рвись по курганам убитых сердец
к родине, жутью охваченной ныне.
Выхода нет. Так броди же, глупец!
И вдалеке от пожарищ и бед,
к лире припав, с неизбывной любовью
пой о злосчастье, изгнанник-поэт,
гор непокорных, затопленных кровью,
пой вдалеке от пожарищ и бед.
В тяжком отчаянье сердце скрепя
так и броди, одиноко и слепо.
Ну а доколе? Пока для тебя
не прояснится угрюмое Небо,
жди в одиночестве сердце скрепя.

1909

3

АРМЕНИЯ

Кто это плачет под дверью в мороз?
— «Странник, сестра, отвори...»
Уж не скелет ли там, хриплый от слез?
— «Голод, сестра, отвори...»
В щепы топор мои двери разнес?
— «Это резня, отвори...»

1913

ИЗ ЦИКЛА «КНИГА ЛЮБВИ»

1

МОЯ ДУША

Я увидел больной листок в траве зеленой.
Весна была такой прекрасной, окрыленной,
и ликовали луг и пестроцветье трав,
хмель солнечных лучей сполна в себя вобрав.
Но в эту дивную минуту, изумленный,
я увидел больной листок в траве зеленой —
он трепетал и ник, смиряя гордый нрав,
едва лишь ветерком тянуло из дубрав.
Я в руки взял его и, преисполнен скорби,
в слезах прижал к губам, неловко плечи горбя
и думая: о жизнь, горьки твои дары,..
Моя душа — листок, увядший до поры.
Кругом сияет май всё радостней и краше,
а ей невмочь ни петь, ни улыбнуться даже.
Я увидел больной листок в траве зеленой...

1907

2

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДУХ

(Любовная песня)

Скитальцу уготован путь возврата.
Печальный Дух, ты повстречался мне
там, где тебя покинул я когда-то,—
ты помнишь? — у ключа, на валуне.
Со дня разлуки, презирая сроки
и беспросветный взор вперяя вдаль,

меня ты дожидался на дороге
и пел, чтоб в песне выплакать печаль.
А я в шальной тоске прошел полмира
дорогами, манившими в мечтах,
неслышной полуночного зефира,
грустнее, чем вечерний гомон птах.
Я поспешал вперед, паломник грезы,
и становилось их всё меньше, грез,
однако ран своих больные розы
к туманным горизонтам нес и нес.
Мечты! Я бредил ими. Изначала
туда, где брезжил свет, мой путь пролег,
туда, где песнь любви еще звучала
и где мерцал надежды огонек.
Но, крылья обломав, вконец пропащий,
к тебе вернулся, натерпевшись мук.
Ты — верный, подлинный и настоящий,
Печальный Дух, единственный мой друг.
Так будь со мною и даруй забвенье,
в мою ладонь свою ладонь вложи.
В моей крови — твое сердцебиенье,
в твоих слезах — вся боль моей души.
Почили наши замыслы благие.
Мир праху их! Обнявшись, мы вдвоем
в честь наших ран отслужим литургию,
мечты и грезы наши отпоем.

1908

3

КАК ТЫ БЛАГОСЛОВЕН, РУЧЕЙ!

Кто наивную песню сплет о твоей
красоте безыскусной, вода ключевая,
и о том, как среди луговин и полей
ты по древнему руслу течешь, напевая,
что тебе всё отраднее жить и милей?
Кто расскажет, ручей, о стремленье твоём
к вековечной мечте — диким розам на склонах,
и о том, как ты пенишься ночью и днём,
и о травах, в тебя безнадежно влюбленных,
у излуки на взгорке отлогом лесном?
Кто нам сможет поведать в полуночный час
о шуршании гальки, о вздохах ракиты,
заглядевшейся в тысячный, может быть, раз
на тебя, и о тайнах, которые скрыты
в глубине твоих быстрых, изменчивых глаз?
Ты сизвека не знаешь друзей и родни,
ты, ручей, не боишься ни бури, ни шквала,
и когда умирают в ненастные дни
луговые цветы — как ни в чём не бывало
ты поешь неумолчно, как пел искони.
Как ты благословен! Ты бессмертен, ручей!
Нет, не станешь ты старше, как не был моложе.
Сколько лет и веков, сколько дней и ночей
ты струишься в своём нескончаемом ложе
и беспечно журчишь... Ты бессмертен, ручей.
И когда я уйду за рубеж бытия —
я, придумавший строки корявые эти, —

стихотворец объявится, глупый как я,
чтобы в сети созвучий — бессильные сети —
уловить эту дикую песню ручья.
И пока ты журчишь всё звончей и звончей,
насмехаясь язвительно и быстротечно
над искусством и бренностью дел и речей,
ты пребудешь бессмертия тенью навечно.
Как ты благословен! Ты бессмертен, ручей!

1908

4

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ

Ты безропотно думаешь: нет,
этой доли не переиначишь.
Блекнешь ты, а сдается, что плачешь,
эдельвейсов невзрачный букет.
Увядают твои лепестки,
и роса испарилась мгновенно.
Как тебя занесло в эти стены,
чтобы ты изнемог от тоски?
От болезненной тяги — туда,
к высоте поднебесной родимой,
горделивой и недостижимой,
где тебя не сыскать никогда.
Это явь или, может быть, бред?
Ты не знаешь и никнешь всё ниже.
О, помедли, не вянь, погоди же,
эдельвейсов поблекший букет!

1908

СТАРИННЫЙ МОТИВ

Должно быть, к нам ветры тебя занесли
сегодняшней ночью из дали далекой,
и сердце исполнилось снежной дорогой,
неведомой, грустной, до края земли.

И, тотчас печалью своей захватив,
навев мечту о возвышенной доле,
как отзвук молитвы, щемящий до боли,
ты льешься в окошко, старинный мотив.

И всё повторяясь, опять и опять —
простой, незатейливый и безыскусный, —
с порывами вьюги томительно-грустной
доносишься ты, и куда уж там спать!

О, как ты трепещешь! И, оторопев,
я вздрогну, не в силах с догадкой расстаться:

отходная жизни моей, может статься,
бесхитростный твой и наивный припев?

А ветер, врываясь в полночную тьму,
тебе подражает — бесцельно, без толку.

О чем ты рассказываешь втихомолку
деревьям и плачут они почему?

Метельная ночь в заснежённом окне
наивным, простым, безыскусным, тоскливым,
щемящим до боли старинным мотивом
сомнения разбередила во мне.

Мотив оборвался вдали. Но звучат

знакомые нотки средь ночи кромешной.

Душа растревожена и безутешна
и плачет умершей мелодии в лад.

1909

ВСАДНИК

Не знаю кто, бог весть куда,
всегда, в жару и холода,
неуследимый как беда,
он молча мчит бог весть куда.

В закатный час, смиряя страх,
я вижу тень на облаках —
суровый рыцарь впопыхах
проносится бог весть куда.

Он мчит, а за его спиной
скелеты движутся стеной;
скакун горячий вороной
его несет бог весть куда.
Я слышал, он обет блюдет,
его любовь и слава ждет
и ждет могила, где найдет
и он покой — бог весть когда.

1911

7

ПРИДИ!

Приди, приди дорогою мечты!
Я запалю в честь встречи факел сердца.
Мост мук моих безлюден — там лишь ты.

Мы встретимся, как два единоверца, —
приди, приди дорогою мечты!
Приди, я твой — твой раб и господин.
Пусть грешен я, но так судьба судила.
Я за тобой тянусь, наш дух един,
я — для тебя кадимое кадило.
Приди, я твой — твой раб и господин.
Я только певчий храма твоего.
А ты? Ты плоть моих бесплотных песен,
ты нимфа юная, ты божество,
мир без тебя мне чужд, и пуст, и пресен.
Я только певчий храма твоего.
Я переполнен именем твоим.
Тебя поют семь ран моей свирели,
и эта песнь грозит безумьем им —
они окровенились, обгорели...
Я переполнен именем твоим.
Дай мне твой алый, словно рана, рот
и к вожделенной сладостной темнице —
твоей душе — открой скорее ход,
чтобы исчезнуть в ней и раствориться.
Дай мне твой алый, словно рана, рот.
Охапку лилий я несу тебе
и лавр моей известности убогой.
Пойми меня, прислушайся к мольбе
и розу страсти пощади, не трогай!
Охапку лилий я несу тебе.
Приди, приди, приди, чтобы любить!

Тот, кто не любит, отдается смерти.
Любовь — жизнь жизни, как же не избыть
своей тоски в любовной круговерти?
Приди, приди, приди, чтобы любить!

1911

8

ОТЧЕГО?

Милая, как славно ты жила!
Отчего меня ты полюбила?
Право, мотылька б тебе хватило —
ты пленила старого орла.
Как ты безоглядна и смела,
как юна, свежа и легкокрыла!
Шепотка любви тебе б хватило —
ты зловещих выкриков ждала.

461

Сколько я терял! И сколько зла
испытал! Мой каждый след — могила.
Ветерка любви тебе б хватило —
против урагана ты пошла.
Выгорят глаза твои дотла,
столько в них огня и столько пыла.
Маленькой любви тебе б хватило —
ты Любовь, ты Бога избрала...

1911

9

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Пусть жизнь моя будет тягучей мольбой,

глухим причитанием, пеней пространной,
и сердце, которое полно тобой,
да будет зияющей сладостной раной.
Пусть жизнь моя будет тягучей мольбой.
Я грусть полюбил, хоть она и остра,
как терн под зеленой и нежною кроной.
Какая крошечная темень, сестра,
в душе моей, взглядом твоим осененной!
Я грусть полюбил, хоть она и остра.
Приди же ко мне, как луна хороша,
яви мне свой призрачный свет стеаринный
и вмиг освети, ликованием дыша,
надежды моей безнадежной руины.
Я — Смерть, ты же будь, словно Жизнь, хороша.
Я твой навсегда с головы и до пят.
Пусть в песнях моих твое имя струится,
пусть жизнь моя пенится, как водопад,
который к тебе, низвергаясь, стремится.
Я твой навсегда с головы и до пят.
Глаза твои — две эти бездны — люблю,
они как сосуды с вином причащенья;
припав к ним, я сердце и дух укреплю,
очищусь, как грешник, принявший крещение.
Глаза твои — две эти бездны — люблю.
Приди же ко мне, как пришла в мои сны,
и я прошепчу с неистраченной силой
слова, что могучи, как Смерть, и грустны,
как ветер над тихой моею могилой.

Приди же ко мне, как пришла в мои сны.
Я словно челнок, запропавший средь волн.
Так дуйте свирепей, ветра, и не верьте
мольбам и рыданиям, несите мой челн
из бухты Любви прямо к берегу Смерти.
Я словно челнок, запропавший средь волн.

1912

10

СВИРЕЛЬ

О свирель, стебелек мой нескладный,
человек ли тебя сокрушил
или же ураган беспощадный
обломил, иссушил, закружил?
Кто тебя обточил так жестоко
и прожег, будто выместив злость?
Без росы по утрам и без сока
ты усохла и стала что кость.
Мне вовек не унять этой боли,
не утишить, не сгладить вину.
Пусть тебе не цвести на раздолье,
жизнь и душу в тебя я вдохну!
Так приблизься, свирель, и ответствуй:
разве мне неостанет тепла,
чтобы песня из раны отверстой
. как цветы по весне проросла?
Я слезами, скорбя и тоскуя,
эти раны омою твои,

и тебе лишь поведать смогу я
о своей потаенной любви.
Мы уйдем, чтобы выплакать горе,
вдаль, где отроду не был я сам.
Пусть родник изливается, вторя
нашим песням и нашим слезам.
Пой же так, как ты плакал той ночью,
весь в зеленых ростках стебелек,
когда буря ярилась и молча
ты на землю холодную лег.
Ты дороже насущного хлеба.
Я отдам тебе душу стократ.
Ты же песню даруй мне, и небо,
и свободный полет, и возврат.

1912